

ПОЛИНА АМОР и ФРЕЯ ФАЛЛЕН

Избранная для
ЗВЁЗДНЫХ
ХИЩНИКОВ

Полина Амор

Избранная для звёздных хищников

<https://litres.ru/74243119>

Аннотация

- Скажи, что хочешь нас обоих. Вслух.

Его голос — как ладонь на горле. А за моей спиной — второй. Горячий. Огромный. Рычащий.

Ли́ра — обычная землянка. После крушения корабля её подбирают двое касторианцев: молчаливый воин Каэль и холодный аристократ Рейн. Они не люди. Они выше, сильнее, опаснее. И оба её чувствуют.

В их культуре одна женщина может стать парой сразу для двоих. Отказаться — умереть. Принять — принадлежать обоим.

Целиком.

Космоэротика. МЖМ. Истинная пара. Двенадцать дней на одном корабле. Кто-то сломается первым.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1. Крушение	6
Глава 2. На борту «Тёмной короны»	13
Глава 3. Второй	21
Глава 4. Что-то не так	30
Глава 5. Голод	39
Глава 6. Трещины	45
Глава 7. Первое прикосновение	54
Глава 8. Лёд	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

ПРОЛОГ

Жар.

Такой, от которого не спрятаться. Не отдышаться. Не вспомнить собственное имя.

Я стою на коленях. Подо мной — тёплый пол ритуального зала, вибрирующий в такт чужому пульсу. Или моему. Я уже не различаю.

Руки. Четыре руки. Две — тяжёлые, горячие, с мозолями от оружия — на моих бёдрах. Пальцы вдавливаются в мягкую кожу так, что завтра расцветут синяки. Мне всё равно. Мне так далеко от «всё равно», что это слово потеряло смысл.

Вторая пара рук — длинные пальцы, прохладные, точные — держит моё лицо. Поднимает подбородок. Заставляет смотреть.

Золотые глаза сверху. Вертикальные зрачки расширены так, что почти не видно радужки.

— Скажи.

Голос — низкий, ровный, как лезвие.

За моей спиной — рык. Не человеческий. Утробный, вибрирующий, от которого сжимается всё внутри — и не от страха. Горячее дыхание на моей шее, на позвонках, на лопатках. Губы. Зубы.

— Скажи, Лира.

Я открываю рот, и из горла вырывается звук, который я никогда раньше не издавала.

Я говорю.

И всё начинается.

...Но это будет потом. Через двенадцать дней, которые разделят мою жизнь на «до» и «после».

А сначала — было крушение.

Глава 1. Крушение

Корабельная тревога звучит как крик, застрявший в горле.

Не оглушительный. Не резкий. Хуже — монотонный, ввинчивающийся в виски, выедающий мысли. Ты слышишь его и первые три секунды не понимаешь, что именно слышишь. А потом понимаешь — и кровь превращается в ледяную воду.

Я знаю этот звук, потому что слышала его однажды, на учебных испытаниях, когда получала лицензию бортового техника третьего класса. Инструктор включил запись и сказал: «Запомните. Если услышите по-настоящему — у вас будет от тридцати секунд до трёх минут. Используйте их правильно».

Я тогда подумала: ладно, запомню.

Я не запомнила. Тело запомнило за меня.

Когда «Нерида» содрогается — весь корабль, от носа до дюз, как зверь, которому врезали по хребту, — я в техническом отсеке на нижней палубе. Локтями глубоко в кишках вентиляционной системы. Фильтр тонкой очистки, серия Д-40, забился пылью за полгода вместо положенного года, и я третий час ковыряюсь в нём, тихо матерясь сквозь зубы.

Удар вышибает из меня воздух. Я влетаю виском в панель

воздуховода, мир расплывается белым, и на три секунды я просто лежу на полу технического отсека, глядя в потолок и пытаюсь вспомнить, как дышать.

Потом — звук.

Тревога.

Тело вспоминает раньше, чем я. Колени, локти, рывок вверх. Кровь из рассечённого виска заливает левый глаз — я вытираю рукавом и не чувствую боли. Адреналин. Прекрасная, ужасная химия тела, которая превращает тебя в механизм выживания.

— Внимание, экипаж. Разгерметизация палуб один и два. Метеоритный поток, множественные пробоины. Всему персоналу — аварийные протоколы.

Голос капитана Моррана. Ровный. Почти спокойный.

Капитан Морран спокоен всегда. Двадцать лет грузовых перевозок, три аварии, одна эвакуация. Он пережил их все с одним и тем же выражением лица — сонным, чуть скучающим, будто вселенная лично ему задолжала и он устал напоминать.

Я рву к двери технического отсека, и она не открывается.

Красный индикатор. Аварийная блокировка. Палуба за дверью — разгерметизирована.

Стоп.

Я — на нижней палубе. Палуба три. Тревога сказала — палубы один и два. Но замок на моей двери горит красным, а это значит —

— Внимание. Разгерметизация палубы три. Повторяю: разгерметизация палубы три.

Голос капитана Моррана. Всё ещё спокойный. Но я двадцать месяцев работала на этом корабле, и я слышу — он выдыхает перед словом «три». Короткий, рваный выдох.

Так не выдыхают, когда ситуация под контролем.

Я разворачиваюсь. Технический отсек — двенадцать квадратных метров, заваленных инструментами, запчастями, фильтрами, катушками провода. В дальней стене — аварийный шкаф. Я дёргаю крышку — заело. Дёргаю сильнее — сдираю ноготь, не замечаю. Крышка отлетает.

Кислородная маска. Аварийный скафандр — лёгкий, одноразовый, рассчитанный на два часа автономной работы. Аптечка. Аварийный маяк.

Спасательная капсула — шестая, техническая — за соседней переборкой. Доступ из отсека, без выхода в основной коридор.

Руки работают сами. Скафандр — влезть, застегнуть, загерметизировать. Шлем — щелчок замка, шипение подачи воздуха. Маяк — в карман на бедре. Аптечка — в другой карман.

Я стучу по панели связи, пока натягиваю скафандр.

— Морран? Морран, это Коул, технический отсек, палуба три. Приём.

Тишина.

— Кто-нибудь? «Нерида», кто-нибудь на связи?

Тишина. Не шум, не помехи. Тишина. Связь не работает.

Я открываю аварийный люк в переборке и протискиваюсь в отсек спасательной капсулы. Маленькая — два на три метра, капля из бронированного пластика и стали, рассчитанная на двух человек. Одно кресло, пристяжные ремни, минимальная навигация, двигатель на три импульса, запас кислорода на двенадцать часов, воды — на двое суток.

Я здесь одна.

На «Нериде» — девять членов экипажа. Капитан Морран. Штурман Ли Вэнь. Грузовой офицер Беккет — громкий, рыжебородый, вечно таскал мне кофе с камбуза, потому что считал, что я слишком худая. Медик Анна Рис. Ещё пятеро — пилоты, техники, один кок.

Девять человек.

Я набираю команду запуска на панели капсулы, и пока система прогревается, я стою у крошечного иллюминатора и смотрю на «Нериду».

Корабль умирает.

Метеоритный поток — не красивый, как в фильмах. Не огненные хвосты и величественные глыбы. Мелкий, частый, невидимый до последнего момента — как дробь из дробовика. «Нерида» нашпигована дырами. Я вижу, как из пробоин вырывается воздух — кристаллики льда, мгновенно замерзающие в вакууме, как призрачное дыхание мёртвого корабля.

Палуба один — мостик. Палуба два — жилые каюты. Па-

луба три — грузовой отсек и техническая зона.

Все, кроме меня, на палубах один и два.

Я нажимаю кнопку запуска.

Капсулу выплёвывает из «Нерида», как косточку из вишни — рывок перегрузки вдавливают меня в кресло, мир закручивается, стабилизаторы выравнивают вращение. Я смотрю в иллюминатор.

«Нерида» удаляется. Тёмная, дырявая, молчаливая.

Никто больше не выходит. Ни одна капсула не отстреливается.

Я жду. Считаю секунды. Шестьдесят. Сто двадцать. Триста.

Ничего.

Где-то на пятой минуте — или десятой, или тридцатой, время теряет значение — «Нерида» беззвучно ломается пополам. Просто — хрустит, как сухая ветка в невесомости, и две половины медленно расходятся, разматывая между собой кишки проводов и трубопроводов.

Я не кричу. Не плачу. Просто сижу и смотрю.

Девять человек. Восемь — за вычетом меня.

Беккет, который таскал мне кофе.

Капсула дрейфует. Двигатель на три импульса — без навигационных данных стрелять наугад бессмысленно. Маяк — активирован, мигает, посылает сигнал бедствия на аварийной частоте.

Кислорода — одиннадцать часов сорок минут. Таймер на

панели мерно отсчитывает. Числа меняются так медленно, что кажутся неподвижными. И так быстро, что у меня сводит живот.

Я достаю коммуникатор. Личный, не корабельный — маленький, серый, с трещиной на экране. Записываю сообщение.

— Это Лира Коул. Бортовой техник грузового транспорта «Нерида», регистрационный номер... — запинаясь. Не помню. Двадцать месяцев на борту — и не помню номер. — Если кто-то это найдёт. Произошла авария. Метеоритный поток. Я единственная в капсуле. Остальные... — пауза. Я сглатываю. — Передайте Беккету... нет. Не нужно. Просто — если найдёте. Я была здесь.

Выключаю запись. Закрываю глаза.

Одиннадцать часов тридцать четыре минуты.

Я начинаю считать вдохи. На восьмидесятом — засыпаю. Адреналиновый откат. Тело решило, что если умирать — то хотя бы выпавшись.

Просыпаюсь от звука, которого не должно быть.

Стук. Снаружи. По корпусу капсулы.

Не метеоритный — ритмичный. Три удара, пауза, три удара.

Кто-то стучит.

Я прижимаюсь к иллюминатору и вижу корабль.

Огромный. Чёрный. Хищный — другого слова не подобрать. Острые линии, ни одного лишнего изгиба, как скелет

глубоководной рыбы, вывернутый наизнанку и закованный в броню. Ни одного опознавательного знака, который я могла бы прочесть. Символы на борту — незнакомые, угловатые, похожие на трещины в камне.

Не земной корабль. Не человеческий.

Стыковочный захват обхватывает мою капсулу — мягко, но неумолимо, — и тянет внутрь.

Таймер на панели показывает четыре часа двенадцать минут оставшегося кислорода.

У меня нет выбора.

Я проверяю, застёгнут ли скафандр, сжимаю кулаки, чтобы унять дрожь в пальцах, и жду, когда откроется люк.

Глава 2. На борту «Тёмной короны»

Первое, что я чувствую — тепло.

Не уютное, домашнее, с пледом и кружкой. Другое. Густое, плотное, как в оранжерее. Воздух, который обнимает — слишком тёплый, слишком влажный, слишком насыщенный чем-то незнакомым. Запах — не неприятный, но чужой. Металл, озон и что-то пряное, терпкое, на границе ощущений. Как если бы корица и грозовой разряд завели ребёнка.

Люк моей капсулы открывается не изнутри — снаружи. Кто-то вводит код или просто взламывает панель, потому что замок щёлкает с неприятным хрустом, и крышка отъезжает в сторону.

Свет. Приглушённый, янтарный, не как на человеческих кораблях, где всё залито белым. Здесь — тёплый полумрак. Потолки — высоко, выше, чем на любом грузовике. Зачем такие высокие потолки?

Ответ стоит прямо передо мной.

Я поднимаю голову. Поднимаю ещё. И ещё.

Два метра десять — это то, что я определю потом, когда смогу соображать. В этот момент мой мозг просто выдаёт: огромный. Он занимает дверной проём — не метафорически, а буквально. Плечи шириной с мой рабочий стол. Тело, собранное из литых мышц и тёмной бронзовой кожи, обтянутое чем-то вроде тактического костюма, чёрного, матово-

го, без единого шва. На руках, на шее, на скулах — чёрные узоры. Не татуировки — другое. Они выглядят так, будто его кожа треснула, и через трещины проступило что-то тёмное, глубинное. Как корни дерева под землёй.

Лицо — нечеловеческое. Похожее на человеческое настолько, чтобы было тревожно. Тяжёлая челюсть, резкие скулы, прямой нос — всё чуть крупнее, чуть острее, чуть жёстче, чем бывает у людей. Шрам через левую бровь — белый на бронзе. Губы — полные, сомкнутые, неподвижные.

И глаза.

Янтарные. С вертикальными зрачками, как у кошки. Или как у змеи. Или как у чего-то, для чего у людей ещё нет слова.

Он смотрит на меня. Не как на человека, нуждающегося в помощи. Не как на чужака на своём корабле. Он смотрит на меня так, как —

Я не могу закончить мысль. Потому что он вдыхает.

Резко, глубоко, всей грудью — я вижу, как расширяется грудная клетка, как раздуваются ноздри. И замирает. Весь. Как хищник, который учуял что-то, чего не ожидал.

Его зрачки расширяются — я вижу, как вертикальные щели превращаются в чёрные колодцы, пожирая янтарь.

Он смотрит на меня. Я смотрю на него. Между нами — полтора метра ангарного воздуха, пахнувшего озоном и грозой.

Потом он говорит что-то. Не на земном. Низкий, гортанный звук — язык, которого я не знаю, слова, которые ощуща-

ются как перекатывающиеся камни. Короткая фраза. Может быть — вопрос. Может быть — ругательство. Может быть — приказ.

— Я не понимаю, — говорю я. Мой голос звучит тонко и жалко после его баса. — Я... человек. Земля. Вы понимаете? Земля.

Он не отвечает. Стоит и дышит — тяжело, через рот, как будто забыл, как нормально дышать. Или не может.

Из-за его плеча появляется второй. Поменьше — хотя «поменьше» здесь означает метр девяносто пять, наверное. Тоньше, быстрее, с серой кожей и чем-то вроде гарнитуры на виске. Он бросает взгляд на первого, на меня, снова на первого. Говорит что-то — быстро, обеспокоенно. Трогает огромного за плечо.

Огромный — тот, первый, бронзовый — не двигается. Не мигает. Смотрит на меня.

Серый осторожно протискивается мимо него — я вижу, как он делает это аккуратно, как обходят спящего зверя, — и подходит к моей капсуле. Из гарнитуры на его виске раздаётся щелчок, и потом — механический голос, земной, с акцентом:

— Человек. Вы. Повреждения. Есть?

Переводчик. Плохой, но работающий.

— Да, — я сглатываю. — Нет. Я... рана на голове. Небольшая. Мой корабль — разрушен. Экипаж... — голос садится. — Мне нужна помощь.

Серый переводит. Огромный всё ещё не двигается.

Серый поворачивается ко мне:

— Вы. На борт. Корабль «Тан-Ворр-Кай». Медицинская помощь. Получите. До ближайшая станция. Двенадцать. Дней. Пути.

Двенадцать дней.

— Хорошо, — я киваю. Что ещё я могу сказать? Четыре часа кислорода, и огромный корабль, который не мой и не человеческий. — Спасибо.

Серый помогает мне выбраться из капсулы. Мои ноги подкашиваются — невесомость плюс стресс плюс адреналиновый откат, — и он подхватывает меня. Его руки прохладные и сухие, хватка уверенная, профессиональная. Медик, наверное.

Мы проходим мимо огромного. Мне приходится обогнуть его — он не сторонится. Я оказываюсь так близко, что чувствую жар, идущий от его тела. Как от печки. Или от зверя с температурой тела на пять градусов выше человеческой.

И запах. Тот самый — пряный, грозовой, терпкий. Только вблизи он гуще. Плотнее. Он забивается в ноздри, оседает на языке, и внизу живота шевелится что-то — странное, неуместное, пугающее.

Я прохожу мимо. Не оборачиваюсь.

Он оборачивается. Я не вижу — но знаю. Чувствую его взгляд между лопатками, тяжёлый и горячий, как ладонь.

Медблок на чужом корабле оказывается удивительно по-

ходим на человеческий: койка, приборы, мигающие индикаторы. Только всё — крупнее. Койка, на которую меня укладывают, рассчитана на кого-то вдвое шире меня. Я лежу на ней, как ребёнок во взрослой кровати, и позволяю серому обрабатывать рассечение на виске.

Его инструменты гудят и светятся. Боль уходит за секунды — что-то холодное, покалывающее, и рана затягивается. Я трогаю висок — гладкая кожа, ни следа.

— Технология, — бормочу я. — Ого.

— Регенератор, — говорит переводчик на его гарнитуре. — Стандартно. Для малых повреждений.

Я лежу и пытаюсь собрать мысли в кучу. «Нерида» уничтожена. Экипаж — скорее всего, мёртв. Я — на инопланетном военном корабле, одна, без связи, без оружия, без плана.

Двенадцать дней.

— Тот... большой, — я показываю рукой, обозначая рост. — Который стоял. Кто он?

Серый смотрит на меня. Его глаза — бледно-серые, с теми же вертикальными зрачками, но не янтарные, не горящие — выражают что-то вроде профессиональной заботы. И что-то ещё. Беспокойство?

— Каэль тан-Ворр. Старший воин дома Ворр.

— Он... всегда так смотрит?

Медик молчит. Переводит мой вопрос в гарнитуру, слушает ответ, переводит обратно:

— Нет.

Одно слово. Очень информативно.

— Ладно, — я сажусь на койке. — Где мне можно находиться? Есть каюта? Комната?

Мне выделяют каюту. Маленькую по касторианским меркам — огромную по человеческим. Кровать, на которой можно спать вчетвером. Санузел с душем — горячая вода, слава всем богам всех галактик. Зеркало, в котором я вижу себя: маленькая, бледная, с тёмными кругами под глазами, в аварийном скафандре, который висит на мне мешком. Рыжие волосы — грязные, слипшиеся, торчащие из-под шлема.

Я стягиваю скафандр, залезаю в душ и стою под горячей водой, пока не перестают трястись руки.

Восемь человек. Я даже не знаю наверняка. Может, кто-то выжил. Может, на других палубах остались карманы воздуха. Может —

Нет. Я видела, как корабль сломался пополам. Я видела.

Я съезжаю по стенке душевой и сижу на полу, обхватив колени, пока вода льётся по спине. Не плачу — не могу. Слезы где-то далеко, за стеной шока, до которых я доберусь позже. Может, через день. Может, через неделю. Может — никогда.

Когда я выхожу из душа, на кровати лежит одежда. Кто-то принёс, пока я была в санузле. Мягкая ткань — тёмно-серая, почти чёрная, похожая на шёлк, но плотнее. Что-то вроде туники и штанов. Размер — мой. Откуда они знают мой размер?

Я одеваюсь. Туника доходит до середины бедра, штаны приходится подвернуть дважды. Бельё — не было. Я надеваю своё, из-под скафандра. Не идеально, но хоть что-то.

В дверь стучат.

Я открываю — и отступаю на шаг.

Каэль тан-Ворр стоит в коридоре. В полумраке янтарного освещения он кажется ещё больше, чем в ангаре. Коридор — высокий, широкий — и всё равно он заполняет его собой. Не физически. Присутствием.

Он протягивает мне что-то. Чаша — широкая, тёплая, из тёмного материала. Внутри — жидкость, тоже тёплая, золотисто-янтарная, пахнущая чем-то пряным и сладковатым.

Еда? Питьё?

Я беру чашу. Наши пальцы соприкасаются.

И я —

Это как удар тока. Не болезненный — тёплый, мгновенный, пробежавший от кончиков пальцев вверх по руке, по плечу, по позвоночнику и вниз, в живот, ниже живота, между —

Я дёргаю руку. Чаша едва не выскальзывает. Каэль перехватывает — его огромная ладонь накрывает мою, оборачивается вокруг чаши, удерживает.

Его рука — горячая. Его кожа — сухая, жёсткая, с мозолями. Его пальцы — длинные, толстые, каждый как два моих.

Он смотрит на меня сверху вниз. Я вижу, как двигается

его горло — сглатывает. Вижу, как расширяются ноздри.

Он дышит мной. Как в ангаре — глубоко, жадно, всей грудью.

Потом отпускает. Разворачивается. Уходит по коридору — тяжёлые, бесшумные шаги. Как двухметровый кот в тактических ботинках.

Я стою в дверях с тёплой чашей в руках и пытаюсь понять, почему моё сердце колотится так, что рёбра вибрируют.

Отпиваю из чаши. Вкусно — сладковато,пряно, согревающе. Похоже на чай с мёдом и специями. Допиваю, ложусь на огромную кровать и смотрю в потолок.

Двенадцать дней. На чужом корабле. С существами, которые выше, сильнее и смотрят на меня так, что —

Так — как? Я не могу подобрать слово. Не «враждебно». Не «любопытно». Не «равнодушно».

Каэль тан-Ворр смотрит на меня, как человек, который долго шёл по пустыне и увидел воду.

Я натягиваю одеяло до подбородка — огромное, тяжёлое, пахнущее тем же грозovým запахом — и закрываю глаза.

Двенадцать дней.

Я справлюсь.

Глава 3. Второй

Я проснулась от голоса.

Не громкого. Не резкого. Голос был — как прикосновение. Как будто кто-то провёл кончиками пальцев по внутренней стороне запястья: мягко, точно, невозможно проигнорировать.

— Вы спите удивительно беспокойно для человека, который пережил катастрофу. Обычно после такого или не спят вовсе, или проваливаются так глубоко, что не добудишься.

Земной язык. Чистый. С лёгким акцентом — не механическим, как у переводчика, а живым. Мягкие гласные, чуть удлинённые согласные. Как будто он пробовал каждое слово на вкус, прежде чем произнести.

Я открыла глаза.

Полумрак каюты. Янтарный свет из потолочных панелей — приглушённый, ночной режим. И силуэт у двери.

Он стоял, привалившись плечом к дверному косяку. Руки сложены на груди. Поза — расслабленная, почти ленивая. Как человек, который заглянул в гости и не торопится уходить.

Не Каэль.

Другой.

Мои глаза привыкли к полумраку, и я увидела.

Высокий — но не так, как Каэль. Два метра, может чуть

больше. Тоньше, суше — ни грамма лишнего. Тело, в котором каждая мышца видна не потому, что их много, а потому, что ничего другого нет. Кожа — светлее, чем у Каэля. Серебристая, холодная, как лунный свет. И узоры — не чёрные трещины, а тонкие серебряные линии, как изморозь на стекле. Они шли от висков, спускались по шее, ныряли под ворот одежды.

Одежда — тёмная, дорогая. Не тактический костюм, как на Каэле. Что-то вроде кителя — длинного, приталенного, с высоким воротником. Ткань — матовая, тяжёлая. Даже в полумраке я видела, что это не просто одежда. Это — заявление. Статус. Броня другого рода.

Лицо.

Лицо — красивое. Не так, как бывают красивыми люди — уютно, тепло, притягательно. Красивое так, как бывает красивым нож: резко, остро, опасно. Высокие скулы, прямой нос, тонкие губы, чуть изогнутые в полуулыбке. Улыбка, от которой не становилось теплее. Подбородок — узкий, твёрдый. Брови — тёмные, прямые, выразительные.

Глаза.

Золотые. Не янтарные, как у Каэля — именно золотые. Жидкое золото, расплавленное и застывшее в радужке. Те же вертикальные зрачки. Но взгляд — другой. У Каэля — звериный, тяжёлый, прямой. У этого — многослойный. Он смотрел на меня и одновременно — сквозь меня, поверх меня, внутрь меня.

— Кто вы? — мой голос был хриплым от сна.

— Рейн тан-Ворр, — он чуть наклонил голову. Жест, который мог быть приветствием, а мог быть оценкой. — Глава дома Ворр. Это мой корабль. И вы — мой гость.

Он выделил слово «мой». Оба раза. Может, случайно. Может — нет.

Я села на кровати. Одеяло сползло — я была в той касто-рианской тунике, без белья сверху, и ткань сместилась, обнажив плечо и ключицу. Я видела, как его взгляд скользнул — одно движение, быстрое, точное, как взмах лезвия — по моему плечу, по ключице, по тени между тканью и кожей.

И вернулся к моим глазам. Полуулыбка не изменилась ни на миллиметр.

— Вы говорите на земном, — сказала я.

— Я говорю на девяти языках. Земной — один из самых простых. — Он отлепился от косяка, сделал шаг в каюту. — Я прочитал данные с вашей капсулы. Грузовой транспорт «Нерида». Экипаж — девять. Статус — уничтожен.

Он произнёс это ровно. Без сочувствия, без жестокости. Факт.

— Я единственная выжившая, — я сказала это вслух впервые. Слова царапнули горло.

— Я знаю. Мы просканировали обломки. Биосигнатур нет. — Пауза. — Мне жаль ваших людей.

«Мне жаль» — сказано так, как говорят люди, которые знают, что слова ничего не исправят, но культура требует их

произнести. Вежливо. Дистанционно.

— Спасибо, — я ответила в том же тоне.

Он стоял посреди моей каюты — его каюты, его корабля, его пространства, — и рассматривал меня. Открыто, без стеснения. Не пялился — изучал. Как учёный, который нашёл неизвестный вид и пытается классифицировать.

— Вы мелкая, — сказал он.

Я моргнула.

— Простите?

— Для человека. Мелкая. — Он чуть наклонил голову в другую сторону. — Мы не часто подбираем людей. Но те, которых я видел, были крупнее.

— Я нормального роста для земной женщины, — я выпрямилась. Метр шестьдесят четыре — совершенно нормальный рост. — Это вы ненормально большие.

Его полуулыбка дрогнула. Стала на долю шире. На долю — теплее? Нет. Не теплее. Заинтересованнее.

— Справедливо, — сказал он. И сделал ещё шаг. — Каэль принёс вам кай'ру. Вы выпили?

— Что?

— Напиток. В чаше. Тёплый, золотой.

— Да. Это было... вкусно.

— Кай'ра — ритуальный напиток. Воин подносит его тому, кого считает... — он замолчал. Подбирал слово. Или решал, какое из слов мне сказать. — Нуждающимся в защите.

— А. Типа жест заботы?

Пауза. Длиннее, чем нужно для простого ответа.

— Типа, — повторил он. И в его исполнении это «типа» звучало как дегустация — он пробовал земной сленг на вкус и находил его забавным. — Да. Типа.

Он ушёл не сразу.

Стоял в каюте ещё минуту — или две, или пять, — и говорил. Не о чём-то конкретном. Объяснял: распорядок корабля, где столовая, где можно ходить, где нельзя. Его голос заполнял пространство — ровный, негромкий, обволакивающий. Я слушала и думала: почему так трудно сосредоточиться на словах?

Слова были правильные. Полезные. А я слышала — голос. Тембр. Вибрацию, которая оседала где-то в грудной клетке.

— Вы не слушаете, — сказал он.

Я вздрогнула.

— Слушаю. Столовая на второй палубе, санитарная зона — в конце коридора, на мостик не заходить.

— Верно. Но вы не слушаете. Вы — слышите. Разница.

Он смотрел на меня. Золотые глаза, полуулыбка. И что-то за улыбкой — острое, внимательное, изучающее.

— Я устала, — сказала я. Это было правдой. — И мне нужно переодеться.

— У вас нет другой одежды.

— Тогда мне нужно побыть одной.

Он наклонил голову. Снова этот жест — птичий, хищный. Как сокол, который поворачивает голову, рассматривая до-

бычу под разными углами.

— Конечно, — сказал он мягко. — Спокойной ночи, Лира.

Моё имя. Он знал его из данных капсулы, очевидно. Но то, как он его произнёс — медленно, раскатав «р», задержавшись на «а» — было чем-то другим. Он не назвал моё имя. Он его попробовал.

— Спокойной ночи, — ответила я.

Он вышел. Дверь закрылась беззвучно.

Я легла, натянула одеяло и уставилась в потолок.

Каэль — огонь. Жар, тяжесть, молчание. Взгляд, от которого хочется отступить. Руки, от которых хочется не отступать.

Рейн — лёд. Голос, слова, контроль. Взгляд, от которого хочется спрятаться. Улыбка, от которой прятаться бесполезно.

Два инопланетянина. Двенадцать дней. И что-то — странное, тянущее, необъяснимое — внизу живота, которое просыпалось рядом с каждым из них.

Я повернулась на бок и заставила себя заснуть.

Не получилось.

Утром — если это было утро; на корабле не было окон, и смену циклов обозначало только освещение, менявшееся с янтарного на более яркий, белёсо-золотой — я нашла столовую.

Второй палуба. Длинный коридор с высокими потолками

и стенами из тёмного металла, в котором отражался свет. Столовая — просторная, с длинным столом, рассчитанным на пятнадцать-двадцать мест. Стулья — массивные, тяжёлые. Я забралась на один, и мои ноги не доставали до пола.

Прекрасно. Как в детском стульчике.

Серый медик — его звали Тиан, я узнала — принёс мне еду. Что-то вроде каши, тёплой и густой, с незнакомым вкусом — ореховым, чуть сладковатым. Фрукты — тёмно-синие, похожие на сливы, но с кожицей, которая лопалась на языке. И ещё чашка кай’ры.

— Спасибо, Тиан.

Он кивнул. Его переводчик мигнул:

— Будьте. Осторожны.

— С чем?

Он посмотрел на меня долго, серьёзно. Открыл рот. Закрыл. Покачал головой и ушёл.

Я ела в одиночестве, болтая ногами над полом, и думала о том, с чем мне нужно быть осторожной. Потом дверь столовой открылась, и мысли кончились.

Каэль.

Он вошёл — и пространство сжалось. Не буквально. Но столовая, которая казалась огромной, вдруг стала меньше. Теснее. Как будто он принёс с собой собственное гравитационное поле.

Утром, при ярком свете, он выглядел — иначе. Не менее огромным. Не менее пугающим. Но — детальнее. Я виде-

ла текстуру его кожи — гладкая, тёмная бронза, с мельчайшими узорами, как чешуя, видимая только вблизи. Видела шрамы — не один, десяток. На руках, на шее, один — длинный, тонкий — уходил от ключицы куда-то под одежду. Видела мышцы предплечий — обнажённых, потому что он был в чём-то вроде безрукавки, — и от них было трудно оторвать взгляд.

Не потому что я... Просто — объективно. Его тело было впечатляющим. Как архитектура. Как механизм. Профессиональное восхищение техника, который видит хорошо собранную конструкцию.

Да. Именно так. Профессиональное.

Он сел напротив меня. Стул даже не скрипнул — просто принял его вес, как должное. Перед ним не было еды. Он не ел. Он —

Смотрел.

Я жевала кашу и старалась не встречаться с ним глазами. Не получалось. Янтарные радужки с вертикальными зрачками — как магнит. Каждый раз, когда я поднимала взгляд, он был там. Неподвижный. Тяжёлый. Ждущий.

— Доброе утро, — сказала я. — Вы... завтракаете?

Он не ответил. На его виске не было переводчика, и я вспомнила — он не говорил на земном. Ни слова.

Но он слышал мой голос. Я видела — его уши, чуть заострённые, чуть длиннее человеческих — дёрнулись. Как у зверя, который ловит каждый звук.

Потом он встал. Прошёл к чему-то вроде кухонной панели — нажал, подождал, вернулся. Поставил передо мной вторую чашку кай'ры. Тёплую.

Я посмотрела на чашку. Потом на него.

— Спасибо, Каэль.

Его имя. Первый раз вслух.

Что-то произошло. Я не знаю, как описать — он не улыбнулся, не кивнул, не изменился в лице. Но что-то — сместилось. Как будто внутри него повернулся тяжёлый, ржавый механизм. Его зрачки снова расширились. Чёрный пожрал янтарь.

Он сел. Ближе, чем раньше. Не напротив — рядом, через одно место. Я чувствовала жар его тела через полметра воздуха. И запах — тот самый, грозовой, пряный. Только утром он был другим. Гуще. Тяжелее. С нотой, которую я не могла определить — тёмной, мускусной, от которой поджигались пальцы на ногах.

Мы сидели в молчании. Я ела, он смотрел. Это должно было быть неловко. Пугающе. Раздражающе.

Было — тепло.

Глава 4. Что-то не так

Третий день на «Тан-Ворр-Кай».

Я начала замечать вещи.

Маленькие, необъяснимые, тревожные вещи.

Первое: температура моего тела. Я всегда мёрзла — на «Нериде» ходила в двух свитерах, спала под двумя одеялами, и всё равно мои пальцы были ледяными. Беккет шутил: «У тебя, Коул, вместо крови антифриз, причём просроченный».

Здесь я не мёрзла. Вообще. В тонкой тунике без белья, босиком на металлическом полу — и мне было тепло. Не жарко. Тепло. Как будто внутри кто-то зажжёт маленькую печку и она работала ровно, постоянно, не угасая.

Второе: запахи. Раньше у меня было обычное обоняние — не лучше, не хуже. Здесь я чувствовала всё. Металл стен. Озон систем жизнеобеспечения. Масло, которым смазывали механизмы. Кай'ру — за две двери до столовой. Тиана — его запах был прохладным, нейтральным, как дистиллированная вода.

И — их. Каэля и Рейна. Их я чувствовала сквозь стены. Сквозь двери. Сквозь палубы. Каэль — гроза, специи, мускус. Рейн — холодный металл, озон, что-то цитрусовое, ледяное, как мята, только острее.

Я знала, когда кто-то из них проходил по коридору мимо моей каюты. Знала, кто именно. Не потому что слышала

шаги. Потому что чувствовала запах — за закрытой дверью, через полметра металлической переборки.

Это не нормально. Человеческий нос так не работает.

Третье — и самое пугающее — прикосновения.

В тот первый раз, когда Каэль передал мне чашку и наши пальцы соприкоснулись, я списала всё на стресс. Адреналин. Посттравматическую реакцию. Тело, которое после околосмертного опыта путает сигналы.

Но это повторялось.

Каждое. Чёртово. Касание.

Тиан проверял мой пульс — ничего. Прохладные сухие пальцы, профессиональная хватка, нулевая реакция.

Каэль случайно задел моё плечо в коридоре — и по позвоночнику прошла волна. Тёплая, тягучая, электрическая. От плеча вниз, по рёбрам, по животу, между бёдер. Я остановилась посреди шага и забыла, куда шла.

Рейн передал мне планшет с информацией о корабле — его пальцы скользнули по моему запястью, секундное касание, случайное или нет — и мир поплыл. Не головокружение. Другое. Как будто кто-то настроил резкость: всё вокруг стало ярче, чётче, а внутри — мягче. Теплее. Мокрее.

Мокрее.

Я замечала это. Трудно не заметить. Мокрое бельё, которое приходилось менять. Жар между ног, который вспыхивал от взгляда, от запаха, от голоса. Соски, которые твердели так, что было видно через тунику, и я скрещивала руки на

груди и ненавидела своё тело за предательство.

Третий день. Я дважды выстирала бельё в раковине и сушила его на полотенцесушителе, пока никто не видел. Третий день — и я возбуждена почти постоянно. Фоново, ровно, как та печка внутри, которая не гасла.

Это. Не. Нормально.

Я попыталась разобраться.

В информационном планшете, который дал мне Рейн, была база данных — огромная, на касторианском, но с функцией перевода. Плохого перевода — машинного, корявого, путающего слова. Но лучше, чем ничего.

Я искала: биология касторианцев. Совместимость видов. Влияние. Феромоны.

Информации было мало. Или — её намеренно было мало. Статьи обрывались. Разделы были заблокированы. Один раз планшет просто выдал: «Доступ ограничен. Обратитесь к главе дома».

Глава дома — Рейн.

Ладно.

Я нашла его в кают-компании — просторном помещении на первой палубе, куда мне разрешили входить. Он сидел в кресле — одна нога закинута на другую, планшет в руках, поза расслабленная, элегантная, как на обложке модного журнала. Если бы инопланетные аристократы попадали на обложки модных журналов.

— Мне нужно поговорить, — сказала я с порога.

Он поднял глаза. Золото. Полуулыбка.

— Здравствуйте, Лира. Присаживайтесь.

Я села. Напротив, не рядом. Держала дистанцию. С Рейном это было проще, чем с Каэлем, — его запах был холоднее, дальше. Но всё равно — я чувствовала. Цитрус. Озон. И что-то под ними — глубокое, тёмное, спрятанное, как огонь подо льдом.

— Со мной что-то происходит, — сказала я прямо. Не было смысла ходить вокруг. — С моим телом. С тех пор, как я оказалась на этом корабле. Я чувствую запахи, которые не должна чувствовать. Моя температура изменилась. И... — я запнулась. — Другие симптомы.

Его полуулыбка не изменилась. Но что-то в глазах — сдвинулось. Как будто за золотой радужкой упал тяжёлый занавес.

— Какие другие симптомы?

— Я думаю, вы знаете.

Тишина. Он смотрел на меня. Я смотрела на него. Между нами — два метра воздуха и вопрос, который висел в нём, как нож.

— Думаю, знаю, — сказал он наконец. — Но я хочу, чтобы вы сказали сами. Точность важна.

Я почувствовала, как краска заливает щёки. Рыжие, веснушчатые, невозможно скрыть — я краснела так, что это было видно из космоса.

— Возбуждение, — сказала я. Голос не дрогнул. Почти.
— Постоянное. Физическое. Усиливается при... контакте. С вами. Или с Каэлем.

Его зрачки сжались. Потом расширились. Одно движение, быстрое, рефлекторное. Как вспышка.

— При контакте с нами обоими?

— Да.

Он отложил планшет. Медленно. Аккуратно. Как человек, который хочет, чтобы его руки были заняты чем-то безопасным.

— Расскажу вам кое-что о моём народе, Лира, — он откинулся в кресле. — У касторианцев есть явление, которое мы называем «каи-рэн». На ваш язык это переводится примерно как... — пауза, — «резонанс».

— Резонанс.

— Резонанс, — повторил он. — Это биологический феномен. Редкий. Один случай на десять тысяч. Когда определённая генетическая конфигурация одного существа идеально совпадает с конфигурацией другого. Тела — откликаются друг на друга. Гормональная система, нервная система, обоняние, тактильная чувствительность — всё перенастраивается. Усиливается. Фокусируется.

— На партнёре.

— На партнёре, — кивнул он. — У касторианцев это проявляется между мужчиной и женщиной. Истинная пара. Биологическое совпадение, которое нельзя подделать, нель-

зя вызывать искусственно, нельзя проигнорировать. Тело знает раньше, чем разум.

Я слушала. Сердце стучало где-то в горле.

— Но, — он поднял палец, — раз в сто тысяч случаев происходит нечто другое. Каи-рэн-тар. Двойной резонанс. Одна женщина — и двое мужчин.

Мир остановился.

— Что? — сказала я.

— Вы резонируете, Лира. С нами обоими. С Каэлем и со мной. Одновременно.

Я открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Это... Нет. Я человек. Я даже не вашего вида. Это не может —

— Не должно, — согласился он. — Каи-рэн между касто-рианцем и представителем другого вида не зарегистрирован ни разу в нашей истории. И тем не менее — ваше тело реагирует. Моё тело реагирует. Тело Каэля — реагирует.

— Откуда вы —

— Я чувствую вас, — сказал он тихо. — Через три переборки. Я чувствую ваш запах. Вашу температуру. Ваш пульс. Я знаю, когда вы спите. Знаю, когда просыпаетесь. Знаю, когда вы... — он не закончил фразу. Но его зрачки снова вспыхнули — сжались и расширились. — Я пришёл к вам прошлой ночью, потому что не мог не прийти. Физически. Моё тело — несло меня к вам.

Тишина.

Я сидела в кресле, сжав колени вместе, и чувствовала — прямо сейчас, в эту секунду, — как между ног пульсирует. Тяжело, горячо, настойчиво. Его голос. Его слова. «Я чувствую вас». Каждое слово — как прикосновение.

— Что это значит? — мой голос был хриплым. — Практически. Что произойдёт?

— Резонанс — необратим. Он будет усиливаться. Ваше тело будет требовать контакта — всё больше, всё настойчивее. Наши тела — так же. Если резонанс не завершить... — он замолчал.

— Если не завершить — что?

— Каи-рэн, которому не дали завершиться, убивает. Обоих партнёров. Нервная система перегорает. Обычно — в течение тридцати-сорока дней.

Мир стал очень тихим.

— Убивает, — повторила я.

— Да.

— И «завершить» — это...

— Я думаю, вы знаете.

Его слова. Мои слова, отражённые обратно. Он сидел в кресле, нога на ногу, золотые глаза, полуулыбка — и говорил мне, что я умру, если не перестану с ними двоими.

Не переспит. Мозг отказывался формулировать.

— Мне нужно... обдумать это, — я встала. Колени дрожали. — Мне нужно побыть одной.

— Конечно. — Он не двинулся. — Лира.

Я обернулась у двери.

—

17.04.2026 11:30

продолжаем

17.04.2026 11:36

— Лира.

Я обернулась у двери.

Он смотрел на меня. Полуулыбка исчезла — впервые с момента нашей встречи. Без неё его лицо было другим. Не мягче — острее. Честнее. Как клинок без ножен.

— Никто не заставит вас, — сказал он. — Ни я. Ни Каэль. Каи-рэн — не приговор. Это — приглашение. Вы можете отказаться.

— Вы только что сказали, что отказ убьёт нас всех.

— Я сказал, что незавершённый резонанс убивает. Есть способы замедлить процесс. Медикаментозные. Мы доберёмся до станции через девять дней. Там есть специалисты. Варианты — есть.

— Но?

Он помолчал. Долго. Я видела, как он выбирает слова — перебирает их, как камни, взвешивает каждый.

— Но я бы солгал, если бы сказал, что хочу, чтобы вы отказались.

Тишина. Густая, тяжёлая, пропитанная его запахом — цитрус, озон, огонь подо льдом.

Я вышла. Не обернулась. Не могла — потому что если бы обернулась, он бы увидел моё лицо. А на моём лице было написано всё, что я не могла произнести вслух.

Глава 5. Голод

Я заперлась в каюте и три часа лежала на кровати, глядя в потолок.

Мысли шли по кругу, как крысы в колесе. Быстрые, бессмысленные, обречённые.

Факт: я застряла на инопланетном корабле. Факт: моё тело реагирует на двух касторианцев так, что мокнет бельё от одного их запаха. Факт: это не блажь и не стресс. Это биологический процесс. Необратимый. Факт: если я не... завершу... этот процесс — я умру. И они — умрут. Факт: «завершить» означает — секс. С двумя. Одновременно или по очереди — Рейн не уточнил, а я не спросила, потому что мой мозг на этом месте вежливо отключился.

Я перевернулась на живот, уткнулась лицом в подушку и застонала.

Подушка пахла Каэлем. Откуда, чёрт возьми, на моей подушке запах Каэля?! Он заходил в каюту ровно один раз — принёс чашку кай'ры. Стоял в дверях. Не касался кровати. Не касался подушки.

Но подушка пахла им. Гроза. Специи. Muskus. И под этим — что-то тёмное, животное, от чего внизу живота сжималось горячим кулаком.

Я перевернулась на спину. Потолок. Потолок не пахнет никем. Потолок безопасен.

Мои руки лежали вдоль тела. Правая — на животе. Поверх туники. Пальцы — неподвижны.

Голод. Вот как это ощущалось. Не сексуальное желание — знакомое, управляемое, которое можно проигнорировать или утолить за пять минут в душе. Это было — голод. Глубокий, физический, клеточный. Как будто каждая клетка моего тела знала, чего хочет, и кричала об этом, а я — единственная — отказывалась слушать.

Я прижала ладонь к животу. Под тканью — горячая кожа. Мой живот — мягкий, не плоский, тот самый, которого я стеснялась. Ладонь лежала на нём, и я чувствовала пульс — не в запястье, ниже. Глубже. Между бёдер, тяжёлый, ритмичный.

Не надо. Не здесь. Не сейчас.

Я убрала руку.

Встала. Плеснула водой в лицо. Холодной — на этом корабле даже холодная вода была тёплой. Посмотрела на себя в зеркало.

Рыжие волосы — отросшие, волнистые, ниже плеч. Веснушки — сотни, на носу, на щеках, на шее, на плечах, на груди. Серо-зелёные глаза — расширенные зрачки. Это тоже было новым: раньше мои зрачки не расширялись просто так, без причины, посреди освещённой комнаты.

Губы — искусанные. Когда я успела?

Я опустила взгляд. Туника — тонкая, мягкая. Соски — твёрдые, проступают через ткань. Я не мёрзла. Они стояли

не от холода.

— Соберись, Коул, — сказала я зеркалу. — Ты техник. Ты чинишь вещи. Разберись с этим.

Зеркало не ответило. Зеркало показывало женщину с покрасневшими щеками и потемневшими глазами, которая разговаривала сама с собой на чужом корабле, в чужой одежде, без белья.

Разберись с этим.

Ладно.

Я нашла Тиана в медблоке.

Он сидел за консолью, просматривая данные — при моём появлении поднял голову, и на его сером лице мелькнуло выражение, которое я уже начинала узнавать: осторожность.

— Тиан. Мне нужна информация.

Переводчик мигнул:

— Какая. Информация.

— Каи-рэн. Расскажи мне всё, что знаешь. Не то, что мне рассказал Рейн — то, что он не рассказал.

Тиан смотрел на меня долго. Потом вздохнул. Это было удивительно человеческое — вздох, усталый, обречённый. Вздох существа, которое знало, что этот разговор неизбежен, и надеялось, что он случится позже.

Он заговорил. Переводчик работал рвано, глотал слова, путал порядок — но я слушала внимательно, переспрашивала, уточняла. Собирала картину из кривых пазлов.

Каи-рэн. Резонанс. Биологическая программа, вшитая в генетику касторианцев так же глубоко, как дыхание или сердцебиение.

Когда касторианец встречает свою пару — тело узнаёт раньше, чем разум. Начинается с запаха: феромоны партнёра становятся единственным запахом, который имеет значение. Потом — тактильная чувствительность: любое прикосновение партнёра вызывает каскадный гормональный отклик. Потом — голод. Физическая потребность в близости, которая нарастает, как прилив, и не отступает.

У женщины — перестраивается всё. Температура тела, обоняние, тактильные рецепторы, гормональный фон. Тело готовится. К чему — Тиан не сказал прямо, но я не идиотка.

— Каи-рэн-тар, — сказала я. — Двойной. Что отличается?

Тиан замолчал надолго. Потом:

— Интенсивность. Двойная. Женщина. Между двумя. Резонирует. С каждым. По-разному. Тело. Требуется. Обоих. Не одного. Обоих.

— Одновременно?

Пауза. Он отвёл взгляд.

— В конечном. Итоге. Да.

Я закрыла глаза. Открыла.

— Что будет, если я... удовлетворю себя сама? Без них. Поможет?

Тиан посмотрел на меня так, как врач смотрит на пациен-

та, который спрашивает, можно ли вылечить перелом пластырем.

— Временно. Облегчение. Минуты. Потом. Хуже.

— Хуже?

— Тело. Узнает разницу. Между. Своё прикосновение. И. Партнёр. Прикосновение. После. Своего. Голод. Усилится.

Прекрасно. То есть мастурбация не только не поможет — сделает хуже. Моё тело, оказывается, не просто хочет оргазма — оно хочет конкретный оргазм. От конкретных рук. Четырёх рук.

— Сколько у меня времени? — спросила я. — До того, как это станет... опасным.

— При двойном резонансе. Быстрее. Обычный кай-рэн — тридцать-сорок. Дней. Двойной — пятнадцать-двадцать. Может. Меньше.

— Меньше.

— Вы. Не касторианка. Неизвестно. Как. Ваше тело. Отреагирует. Может. Быстрее. Может. Медленнее.

— Отличный ответ, Тиан. Очень успокаивающий.

Он снова вздохнул.

— Я. Дать. Вам. Подавители. Гормональные. Замедлят. Не остановят. Замедлят.

— Давай.

Он выдал мне маленький иньектор — серебристый, гладкий, с единственной кнопкой. Одна доза в день. Он прижал иньектор к моему плечу, я почувствовала укол — холодный,

короткий.

Десять минут — и голод отступил. Не исчез — отодвинулся, как зверь, загнанный в угол. Я впервые за два дня вздохнула полной грудью и не почувствовала при этом чей-то запах.

— Спасибо, — сказала я.

— Лира.

Я обернулась.

Тиан смотрел на меня серьёзно. Без переводчика — медленно, старательно, на ломаном земном:

— Каэль. Рейн. Хорошие. Мужчины. — Он подбирал слова, морщась от усилия. — Не. Обидят. Вас. Никогда.

Я кивнула. Вышла из медблока.

В коридоре — запах. Гроза и специи. Каэль. Где-то рядом, за поворотом, может быть за стеной.

Подавитель приглушил голод, но не убил обоняние. Я чувствовала его — тёплый, тяжёлый, огромный — как чувствуют солнце за облаками. Не видишь, но знаешь: оно там.

Я пошла в свою каюту. Быстрым шагом. Не оглядываясь.

Он не вышел. Не окликнул. Но я знала — он стоял за углом. Стоял и дышал. Дышал мной.

Глава 6. Трещины

Пятый день.

подавители работали — но Тиан не соврал. Замедляли, не останавливали. Голод стал тише, отодвинулся на задний план, как шум двигателя, к которому привыкаешь. Но он был. Постоянно. Фоновый гул в теле, который усиливался, стоило мне оказаться в одном помещении с Каэлем или Рейном.

Я выработала стратегию. Простую, как кувалда: избегать.

Не выходить из каюты, пока Каэль в коридоре — а я всегда знала, когда он в коридоре. Не заходить в кают-компанию, если там Рейн. Есть быстро, рано, пока столовая пуста. Возвращаться в каюту. Запираться.

Это работало два дня.

На пятый — перестало.

Потому что на пятый день Каэль тан-Ворр перестал держать дистанцию.

Я шла по коридору второй палубы — возвращалась из столовой, быстрым шагом, с остатками завтрака в животе и подавителем в крови. Коридор был пустым, янтарный свет, тихий гул двигателей. Спокойно. Безопасно.

А потом — не пустым.

Он появился из бокового прохода. Бесшумно — как тень. Два метра десять, сто двадцать с лишним килограммов

мышц и кости — и ни звука. Ни единого шага. Как будто пространство просто расступилось и выпустило его.

Я остановилась. Он стоял в трёх метрах.

Что-то было не так. Его лицо — обычно неподвижное, каменное, нечитаемое — было другим. Напряжённым. Мышцы челюсти — сжаты. Жилы на шее — вздуты. Глаза — янтарь почти полностью съеден чернотой зрачков. И дыхание — рваное, тяжёлое, через рот.

Он смотрел на меня. Не как раньше — молчаливо, терпеливо, издалека. По-другому. Как зверь, который дошёл до края.

— Каэль, — сказала я. Голос дрогнул. — Каэль, ты в порядке?

Он шагнул. Один шаг — и три метра превратились в два.
— Каэль.

Ещё шаг. Метр.

Я отступила. Спина коснулась стены.

Он не остановился. Подошёл вплотную — и я оказалась в тени. Его тени. Он был так близко, что я видела текстуру родовых меток на его скулах — чёрные на бронзе, чуть выпуклые, живые. Видела шрам через бровь — белый, тонкий, старый. Видела его рот — губы приоткрыты, и между ними — блеск зубов. Острых. Нечеловечески острых.

Его руки легли на стену. По обе стороны от моей головы. Не касаясь меня. Ладони — широкие, тёмные, с мозолями. Пальцы — длинные, сильные. Я видела вены на предпле-

чьях, мышцы, которые двигались под кожей, как механизмы.

Он наклонился.

Его лицо — напротив моего. Его нос — у моего виска. Его дыхание — на моей коже.

Он дышал мной. Глубоко, медленно, жадно. Я слышала, как воздух входит в его ноздри — долгий, тягучий вдох. И выдох — горячий, влажный, на мой висок, на ухо, на шею.

— Каэль, — прошептала я. Мой голос не слушался. — Что ты делаешь?

Он не понимал моих слов. Но он понял моё имя на его губах — потому что на выдохе он издал звук. Не слово. Звук — низкий, грудной, вибрирующий. Рык. Не угрожающий. Другой. Такой, от которого у меня подкосились колени и по внутренней стороне бёдер прошла волна жара.

Подавители. Подавители в крови. Мне должно быть — ровно. Спокойно. Приглушённо.

Подавителям было наплевать. Тело включилось, как рубильник, — рывком, мгновенно, на полную мощность. Соски затвердели. Кожа покрылась мурашками. Между ног стало мокро — не влажно, мокро, — и я сжала бёдра так сильно, что заболели мышцы.

Он чувствовал. Я знала — он чувствовал. Его ноздри раздувались, зрачки пожирали радужку, и рык стал громче, глубже, непрерывным. Вибрация шла через воздух, через стену, через мои кости.

Его рот — у моего уха. Я чувствовала жар его губ — не

касание, но почти. Миллиметр. Может, меньше.

— Пожалуйста, — сказала я. Я не знала, о чём просила. Остановиться? Не останавливаться?

Его правая рука сдвинулась. Медленно. Со стены — вниз. Не касаясь меня — вдоль моего тела, в сантиметре от плеча, от руки, от бедра. Тень прикосновения. Жар без контакта. Его ладонь зависла у моего бедра — огромная, тёмная, раскрытая — и я видела, как дрожат его пальцы.

Он дрожал.

Этот огромный, смертоносный воин, который мог бы сломать меня одной рукой, — дрожал. Сдерживался. Каждый мускул его тела был натянут, как трос, и я видела — нет, чувствовала — чего ему это стоило. Не коснуться. Не схватить. Не прижать.

Не взять.

Его лоб опустил на стену рядом с моей головой. Я услышала — глухой удар. Он стукнулся лбом о металл. Раз. Тяжело. Как будто пытался вбить обратно то, что рвалось наружу.

Потом — голос. Из-за его спины.

— Каэль.

Рейн.

Одно слово. Негромкое. Ровное. Как щелчок предохранителя.

Каэль замер. Весь — разом, как механизм, которому обрубili питание. Его руки всё ещё были на стене, его дыхание — на моей шее, его тело — в сантиметрах от моего. Но

он — остановился.

Я повернула голову и увидела Рейна.

Он стоял в пяти шагах. Руки вдоль тела. Поза — спокойная, прямая. Лицо — без полуулыбки. Без выражения вообще. Маска. Холодная, серебряная, безупречная.

Но глаза.

Его глаза — золото, жидкое, кипящее — смотрели не на Каэля. На меня. На мою шею, на которой оседало чужое дыхание. На мои руки, прижатые к стене. На мою грудь, которая вздымалась слишком часто, слишком высоко, слишком заметно.

Он смотрел на меня, прижатую к стене его воином, — и в его золотых глазах было что-то, что я не могла прочесть. Что-то тёмное. Сложное. Многослойное.

Ревность? Нет. Не совсем. Или — не только.

Голод.

Рейн тан-Ворр — холодный, контролируемый, идеальный — был голоден. Так же, как Каэль. Так же отчаянно, так же безнадёжно. Только Каэль не умел прятать — а Рейн умел. До сих пор.

— Каэль, — повторил он. — Отойди.

Каэль отодвинулся. Медленно, как во сне. Его тело не хотело — я видела, как каждое движение давалось ему с усилием, как будто он двигался сквозь воду. Он отступил на шаг. На два. На три.

Между нами снова было пространство. Воздух, который

всё ещё дрожал от его жара.

Каэль повернулся к Рейну. Они смотрели друг на друга — долго, молча. Между ними прошло что-то, чего я не могла уловить. Разговор без слов. Два хищника, одна территория.

Потом Каэль ушёл. Быстрым шагом, почти бегом. Его шаги — впервые — были слышны. Тяжёлые удары по металлу пола. Он не оглянулся.

Я стояла у стены. Колени — ватные. Дыхание — рваное. Между ног — пульсация, горячая, настойчивая, мучительная.

Рейн подошёл. Не так, как Каэль — не надвинулся, не навис. Подошёл и остановился на расстоянии вытянутой руки. Достаточно далеко, чтобы я могла дышать. Достаточно близко, чтобы я не могла думать.

— Вы в порядке? — спросил он. Голос — ровный. Контролируемый. Но я слышала — тень хрипоты. Тень трещины в безупречной стене.

— Нет, — сказала я честно. — Нет, я не в порядке.

— Он бы не причинил вам вреда.

— Я знаю.

Это вырвалось само. И было правдой. Я стояла, прижатая к стене двухметровым инопланетным воином с боевыми рефлексам и зубами хищника, — и ни на секунду не чувствовала страха. Ни на одну секунду.

Я чувствовала другое. И это было хуже.

— Подавители не помогут, — сказал Рейн тихо. — Не

против кай-рэн-тар. Тиан знает это. Я знаю это. Теперь — знаете вы.

— Тогда что мне делать? — я посмотрела на него. В глаза. Золотые, кипящие, голодные. — Что мне, чёрт возьми, делать, Рейн?

Моё имя на его губах — «Лира» — звучало как дегустация. Его имя на моих губах — «Рейн» — прозвучало как мольба.

Он дёрнулся. Одно движение — дрогнули пальцы, сжались в кулак. Единственное нарушение контроля. Но я увидела.

— Есть промежуточный вариант, — сказал он. Голос был ровным, но кулак не разжимался. — Не полное завершение. Но — контакт. Достаточный, чтобы успокоить резонанс на время. Выиграть дни.

— Какой контакт?

— Тактильный. Прикосновения. Кожа к коже. Без... — он выдохнул, и в выдохе была тень чего-то, что мог бы быть смехом — горьким, коротким. — Без того, о чём вы думаете.

— Я не думаю —

— Вы думаете, — сказал он мягко. — Я чувствую. Ваш запах меняется, когда вы думаете об этом. Становится... — он не закончил. Его зрачки сжались и расширились. Его кулак побелел.

Я хотела провалиться сквозь пол.

— Ненавижу эту вашу сверхчувствительность, — прошеп-

тала я.

— Поверьте, — сказал он, — в данный момент я тоже.

И в его голосе — впервые — было что-то живое. Не контролируемое, не рассчитанное, не выверенное. Боль. Настоящая, простая, человеческая — если это слово применимо к касторианцу.

Он хотел меня. Так же, как Каэль. Так же отчаянно. И так же — сдерживался.

— Промежуточный вариант, — повторила я. — Прикосновения. Кожа к коже.

— Да.

— С кем?

— С обоими. Каи-рэн-тар требует обоих.

Тишина.

— Мне нужно подумать, — сказала я.

— Конечно.

Я оторвалась от стены. Ноги держали — едва. Пошла к каюте.

— Лира.

Я остановилась. Не обернулась.

— Времени мало, — сказал Рейн. Негромко. Почти нежно. — Каэль сорвётся снова. И в следующий раз я могу не успеть.

Пауза.

— И, — добавил он ещё тише, — в следующий раз я могу не захотеть останавливать его.

Я дошла до каюты. Закрывает дверь. Сползла по ней на пол, обхватила колени и сидела так, пока не перестала чувствовать его запах в воздухе.

Не перестала.

Глава 7. Первое прикосновение

Я приняла решение ночью.

Не потому что хотела. Потому что моё тело приняло его за меня.

Подавитель, который Тиан ввёл утром, перестал действовать к вечеру — не постепенно, как раньше, а разом, как стена, которую снесли тараном. Я лежала в кровати, пытаюсь заснуть, и мир взорвался.

Жар. Везде. Изнутри — как будто кто-то разжёт костёр в моих костях. Кожа горела, каждый сантиметр — чувствительный до невозможности. Ткань туники — мягкая, невестомая — ощущалась как наждачная бумага. Я скинула её, осталась голой, и даже воздух — тёплый, влажный — был слишком. Касался меня как руки. Как чужие руки.

И запах. Оба запаха — одновременно. Гроза и специи. Цитрус и лёд. Каэль и Рейн. Они были где-то на корабле — далеко, на другой палубе, за десятком переборок — и я чувствовала их так, как будто они лежали рядом.

Между ног — пульсация. Тяжёлая, болезненная, невыносимая. Не просто возбуждение — спазм. Моё тело сжималось само — ритмично, требовательно, пусто. Пусто. Вот что было хуже всего. Ощущение пустоты, которую нужно заполнить, и ничего — ничего — не могло заполнить её, кроме —

Я сжала бёдра. Стиснула зубы. Свернулась калачиком на

огромной кровати, голая, мокрая, дрожащая — и не от холода, от голода — и вцепилась в матрас.

Не сдамся. Не сейчас. Не так.

Моя рука — предательская, проклятая рука — скользнула вниз. По животу. По бедру. Между ног.

Я коснулась себя — и мир вспыхнул.

Мокро. Так мокро, что пальцы соскользнули, и я задохнулась — не от удовольствия, от шока. Я никогда — никогда — не была настолько мокрой. Горячей. Набухшей. Клитор пульсировал под подушечкой пальца, как маленькое сердце, и одно прикосновение — одно — прошило меня от паха до макушки.

Я прикусила запястье свободной руки, чтобы не застонать. Зубы вошли в кожу. Боль — далёкая, неважная. Не помогла.

Два движения. Три. Я кончила так быстро, что не успела понять — оргазм накрыл волной, сжал всё тело в кулак, выгнул спину — и я закричала в запястье, глуша звук зубами и кожей.

Десять секунд. Пятнадцать. Двадцать.

Отпустило.

Я лежала на спине, мокрая, дрожащая, задыхающаяся. Потолок плыл.

И — ничего.

Тиан предупреждал. Облегчение — минуты. Потом — хуже.

Минута. Полторы. Две.

Голод вернулся. Удвоенный. Утроенный. Как будто мой жалкий оргазм был не утолением, а разжиганием — плеснуть бензина в огонь и удивиться, что горит ярче.

Тело сжалось снова — болезненный спазм, пустота, требование. Я сунула пальцы обратно — один, два — внутрь, глубже, пытаясь заполнить — и это было как пить солёную воду от жажды. Хуже. Хуже. Мои пальцы были слишком тонкими, слишком короткими, слишком своими. Тело знало разницу. Тело хотело не этого.

Я кончила второй раз — жёстко, больно, зажмурившись так, что перед глазами плясали белые пятна. И через тридцать секунд голод был хуже, чем до начала.

Третий раз я не стала пытаться.

Лежала, свернувшись, голая, мокрая от пота и от себя, кусала подушку и тряслась. Всё тело — одна сплошная оголённая нервная клетка.

Я продержалась до рассвета — условного, корабельного, когда свет сменился с тёмного янтаря на бледное золото.

Потом встала. Надела тунику на голое тело — бельё было бесполезно, я промочила всё, что было. Подошла к двери. Открыла.

Каэль сидел на полу в коридоре.

Спиной к стене напротив моей двери. Колени согнуты, руки на коленях. Голова — опущена. Он был в одних штанах, без рубашки, и я видела — его тело блестело от пота. Мыш-

цы — все, каждая — натянуты, вздуты, как будто он только что дрался. Или сдерживался от драки.

Родовые метки на его груди и плечах — чёрные трещины — пульсировали. Я видела это: лёгкое свечение, тёмно-багровое, как угли, мерцающее в ритме его дыхания.

Он поднял голову.

Его глаза. Янтаря не было. Совсем. Чёрные — от зрачка до радужки, сплошная тьма. Звериные. Голодные. Больные.

Он сидел здесь всю ночь. Под моей дверью. Слышал всё. Чувствовал всё. Каждый мой вдох, каждый стон, каждый оргазм, который не помог.

Я опустилась на корточки перед ним. Медленно. Осторожно. Как перед раненым зверем.

— Каэль, — прошептала я. — Мне плохо. Тебе плохо. Нам обоим плохо.

Он не понимал слов. Но он понимал — меня. Мой голос. Моё лицо. Мой запах, который сейчас кричал о том же, о чём кричал его.

Я протянула руку.

Положила ладонь на его щёку.

Прода 14

Мир — взорвался.

Нет. Не так. Мир — встал на место. Как будто до этого момента все цвета были сдвинуты, все звуки фальшивили, все текстуры были неправильными — и одно прикосновение вернуло всё в фокус.

Его кожа под моей ладонью — горячая, гладкая, с едва ощутимой текстурой, как тончайшая чешуя, — и от неё шла волна. Не электрическая. Глубже. Клеточная. Как будто каждая моя клетка выдохнула: наконец-то.

Голод не исчез. Но изменился. Из режущей боли — в тягучий, сладкий жар. Из отчаяния — в предвкушение. Разница между тем, как голодный корчится, и тем, как голодный видит накрытый стол.

Каэль замер под моей рукой. Закрыв глаза. Его дыхание — рваное, хриплое — замедлилось. Я чувствовала под ладонью, как бьётся его пульс — быстрый, сильный, нечеловечески мощный. И как он — замедляется. Удар за ударом. Как механизм, который нашёл нужный ритм.

Его рука поднялась — медленно, дрожа — и накрыла мою. Огромная ладонь поверх моей маленькой, горячие пальцы обернулись вокруг моих. Он прижал мою руку к своей щеке — крепче, плотнее — и выдохнул. Длинный, рваный выдох, в котором было столько облегчения, что у меня защипало в носу.

Ему было так же плохо. Так же больно. Так же одиноко. Только он — молчал. Сидел под моей дверью и молчал, потому что не умел иначе.

— Идём, — сказала я. — Внутрь. Идём.

Я поднялась и потянула его за руку. Он встал — огромный, тёмный, дрожащий — и шагнул за мной в каюту. Дверь закрылась.

В каюте пахло мной. Моим потом, моим возбуждением, моими слезами. Я видела, как Каэль вдохнул — и его чёрные глаза стали ещё темнее, если это возможно. Его ноздри раздулись. Мышцы живота сократились. Руки сжались в кулаки.

— Нет, — сказала я. Быстро. Твёрдо. Положила обе ладони ему на грудь. — Не так. Медленно. Только прикосновения. Понимаешь?

Он не понимал слов. Но он понимал ладони на своей груди. Понимал мой взгляд. Понимал «нет» — тон, жест, границу.

Он кивнул. Медленно. Тяжело. Как будто кивок стоил ему физического усилия.

Я подвела его к кровати. Легла. Он стоял — огромная тень над кроватью — и смотрел на меня. Я видела, как дрожат его руки. Видела, как вздрагивают мышцы его живота. Видела — ниже, под тканью штанов — и быстро перевела взгляд.

— Ложись, — я похлопала по кровати рядом с собой.

Он лёг. Кровать просела — глубоко, ощутимо. Его вес, его жар, его запах — вблизи, вплотную. Мы лежали на спине, рядом, в сантиметрах друг от друга.

Я повернулась на бок. Положила руку ему на грудь. Ладонь на голую кожу — бронзовую, горячую, с рельефом мышц и шрамов. Под ладонью — его сердце. Быстрое, мощное, как двигатель.

Он не двигался. Лежал на спине, руки вдоль тела, кулаки сжаты, глаза закрыты. Лицо — напряжённое. Каждый мускул

— натянутый трос. Он сдерживался. Позволял мне вести.

Моя ладонь скользнула по его груди. По родовым меткам — под пальцами они были гладкими, чуть теплее окружающей кожи, и они пульсировали. Я чувствовала — тёмно-багровое мерцание, которое видела раньше. Оно отзывалось на моё касание. Становилось ярче там, где я проводила рукой.

Я обвела пальцем линию метки от ключицы — вниз, через грудную мышцу, к рёбрам. Каэль втянул воздух сквозь зубы. Резко. Шипящий звук, от которого у меня сжалось внутри.

— Тише, — прошептала я. — Тише.

Моя рука — на его рёбрах. На шраме — длинном, тонком. Я обвела его кончиками пальцев. Каэль выдохнул — долго, дрожаще.

Его рука дрогнула. Поднялась. Зависла в воздухе — я видела, как пальцы тянулись ко мне и останавливались. Просили разрешения.

— Да, — сказала я. — Можно.

Его ладонь легла мне на талию.

Мир снова вспыхнул. Ярче, чем раньше — потому что его рука была огромной и горячей, и она обхватила мою талию так, что пальцы почти сомкнулись на спине. Я — маленькая в его руке. Маленькая и мягкая. Его большой палец лежал на моём животе, остальные — на пояснице, и от этого прикосновения по моему позвоночнику прокатилась волна — медленная, густая, золотая.

Голод отступил ещё на шаг. Не ушёл — затих. Свернулся

тёплым клубком внизу живота, мурлыча вместо того чтобы кричать.

Я придвинулась ближе. Положила голову ему на плечо — широкое, твёрдое, горячее. Прижалась щекой к его коже. Почувствовала его запах — чистый, неразбавленный, прямо из источника — и выдохнула.

Хорошо. Так хорошо, что хотелось плакать.

Его вторая рука поднялась. Легла мне на волосы. Тяжёлая ладонь — на моей макушке. Пальцы — в рыжих прядях. Он не гладил — просто держал. Накрывал. Как будто прятал что-то ценное.

Мы лежали так. Минуту. Пять. Десять. Я слушала его сердце — оно замедлялось, удар за ударом, находя ритм. Мой собственный пульс подстраивался. Два сердца — разного размера, разного вида — бились в унисон.

Его дыхание стало ровным. Глубоким. Мышцы — расслабились, одна за другой, как будто кто-то отпускал канаты. Кулаки разжались. Пальцы на моей талии — смягчились, перестали вдавливаться, легли свободно.

Я подняла голову и посмотрела на него. Его глаза были закрыты. Лицо — спокойное. Не каменное, не напряжённое — мирное. Родовые метки мерцали ровно, мягко — тёплый свет вместо лихорадочных вспышек.

Он заснул.

Два метра десять, сто двадцать килограммов — и он заснул в моих руках, как ребёнок, который наконец почувство-

вал себя в безопасности.

Я лежала на его плече, чувствовала его жар, его запах, его сердцебиение — и думала: это только прикосновения. Кожа к коже. Ничего больше.

И это — уже — слишком много.

И — невозможно мало.

Я закрыла глаза.

Перед тем как заснуть, последняя мысль: Рейн говорил — обоих. Каи-рэн-тар требует обоих.

Рейн.

Я ещё не коснулась Рейна.

Я заснула с этой мыслью — и мне снилось серебро.

Глава 8. Лёд

Прода 15

Я проснулась в тепле.

Не в жаре — в тепле. Ровном, плотном, обволакивающем. Каэль лежал на боку, лицом ко мне, и его тело — огромное, горячее — было свёрнуто вокруг моего, как скобка вокруг скобки. Его рука — на моей талии. Его дыхание — на моей макушке. Мои ладони — на его груди, между нами, как молитва.

Я осторожно высвободилась. Он не проснулся — только дрогнули ресницы, и рука на моей талии сжалась, как будто даже во сне он не хотел отпускать. Я подождала. Пальцы расслабились. Я выскользнула.

В душе — долго. Горячая вода, потом холодная, потом

снова горячая. Моё тело было — другим. Голод отступил, но не ушёл. Спрятался. Как зверь, который поел, но не наелся — лежит, облизывается и ждёт.

Кожа — чувствительная. Везде. Вода текла по плечам, по груди, по животу — и каждая капля ощущалась, как прикосновение. Не болезненно. Но — ярко. Как будто кто-то настроил контрастность моего тела на максимум.

Соски — твёрдые. Снова. Я провела по ним ладонью — случайно, машинально, намыливая — и выдохнула сквозь зубы. Ярко. Слишком ярко. Раньше так не было. Раньше мои соски были просто сосками, а не кнопками прямого доступа к нервной системе.

Каи-рэн. Перестройка тела. Мои рецепторы — все, везде — работали на другой частоте.

Я вышла из душа. Каэль ушёл — кровать была пустой, но хранила его вмятину. И запах. Я стояла и смотрела на эту вмятину — огромную, глубокую, пахнущую грозой — и чувствовала себя странно. Не плохо. Странно. Как будто что-то сдвинулось, и мир стал одновременно проще и сложнее.

Я оделась. Вышла.

И столкнулась с Рейном.

Не буквально. Он стоял в коридоре, в трёх шагах от моей двери. Руки в карманах. Поза — расслабленная. Полуулыбка — на месте. Китель — безупречный, тёмный, с высоким воротником. Ни одной складки, ни одного волоса не на месте. Совершенный. Холодный. Контролируемый.

Но я чувствовала его запах. Цитрус, озон, мята — и под ними, глубоко, тот самый огонь подо льдом. Сегодня — ближе к поверхности, чем вчера. Лёд — тоньше.

— Доброе утро, — сказал он. — Вы спали с Каэлем.

Не вопрос. Констатация.

— Я не спала с Каэлем, — я покраснела. — Мы... лежали. Рядом. Прикосновения. Кожа к коже. Как вы и предлагали.

— Я знаю, — сказал он мягко. — Я знаю, что именно было, Лира. Я чувствовал.

Пауза.

— Чувствовали?

— Каи-рэн-тар. Треугольник. Я чувствую то, что чувствует Каэль. Не полностью — отголоски. Тени. Достаточно, чтобы знать, что вы положили руку ему на грудь. Достаточно, чтобы знать, что он положил руку вам на талию. Достаточно, чтобы...

Он замолчал. Полуулыбка стала жёстче. Тоньше. Как натянутая проволока.

— Достаточно, чтобы не спать всю ночь, — закончил он. — Зная, что вы — с ним. И не со мной.

Его голос не изменился. Ровный, мягкий, контролируемый. Но слова — слова были как ожог. И под ними — та самая трещина. Которую я видела вчера в коридоре. Которая росла.

— Рейн, — сказала я. — Мне нужно было начать с кого-то. Каэль... он был под моей дверью. Ему было плохо. Я

не могла —

— Я знаю. — Он поднял руку — короткий жест, останавливающий. — Вам не нужно объяснять. Каэль — мой. Мой дом, моя кровь, мой воин. Я рад, что ему лучше. Я рад, что вам лучше.

Пауза. Длинная. Тяжёлая.

— Но я — не в порядке, — сказал он. И это стоило ему усилия. Я видела — микродвижение мышцы на скуле, дрогнувший уголок рта. Рейн тан-Ворр, глава дома, политик, хищник в дорогой одежде — признавал слабость. Впервые. — Резонанс требует обоих. Вы прикоснулись к нему. Теперь моё тело... — он прервался. Выдохнул. — Требует.

Я смотрела на него. На его лицо — красивое, резкое, безупречное. На его руки — в карманах, спрятанные. На его тело — прямое, неподвижное, как струна.

Он не дрожал, как Каэль. Не задыхался. Не терял контроль. Он стоял и горел — изнутри, медленно, беззвучно. Как здание, в котором пожар уже пожирает нижние этажи, а фасад всё ещё безупречен.

— Идём, — сказала я.

Он моргнул. Впервые — удивление. Настоящее, непри-
творное.

— Куда?

— В мою каюту. Прикосновения. Кожа к коже. — Я протянула руку. — Вы сами предложили этот вариант. Я согласна. С обоими. Начала с Каэля. Теперь — вы.

Он смотрел на мою руку. На мою ладонь — маленькую, бледную, с веснушками на запястье. Смотрел долго. Как человек, который стоит на краю обрыва и решает — прыгнуть или отступить.

Потом вынул руку из кармана и взял мою.

Глава 8. Лёд

Его прикосновение было другим.

С Каэлем — волна. Горячая, мгновенная, затопляющая. Тело включалось, как рубильник: всё и сразу.

С Рейном — иначе. Его пальцы обхватили мою ладонь — прохладные, сухие, длинные — и ощущение пришло не волной. Течением. Медленным, глубоким, неостановимым. Оно поднималось по руке — от пальцев к запястью, от запястья к локтю — неторопливо, как вода, заполняющая русло. Добралось до плеча. До груди. До живота.

И — ниже.

Не жар

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.